

«ПООЩРЕНИЕ И ПОДОЗРЕНИЕ»: ВЛАСТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

*Работа представлена кафедрой новейшей истории России и краеведения
Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.
Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор О. В. Ягов*

В статье на основе анализа широкого круга источников показаны ключевые тенденции и противоречия взаимоотношений царского правительства и кооперативного движения в России в начале XX в.

Ключевые слова: кооперативное движение, государственная власть,ластное регулирование, административный произвол.

Basing on the wide circle of sources, the author of the article examines the main tendencies and contradictions of mutual relations between the imperial government and the cooperative movement in Russia at the beginning of the 20th century.

Key words: cooperative movement, state power, state control, administrative arbitrariness.

В отечественной историографии уже давно утвердилось мнение об отсутствии у царского правительства последовательной кооперативной политики в 1900–1917 гг. Изучение тех или иных проблем взаимодействия власти и кооперации в этот период приводило большинство исследователей к противоречивым выводам, которые выражались в формуле: «поощрение и подозрение» [10, с. 98]. Кооперативная политика оказалась той сферой деятельности государственной власти, в которой грань между административным регулированием и чиновничим произволом была размыта. Вследствие этого мелочная регламентация организации и функционирования кооперативной сети часто сочетались со стремлениями правительства изыскать средства на ее развитие, предоставить налоговые льготы или обеспечить ей правовую защиту. Проводя политику «индустриализации страны без модернизации жизни народа», власть не могла не видеть опасности в любых экономических и общественно-политических объединениях, одними из которых являлись кооперативные учреждения. С другой стороны, кооперація в правительственные кругах рассматривалась как один

из путей выхода из аграрного кризиса, улучшения благосостояния народа в целом. Пристальное внимание государства к кооперативному движению объяснялось еще и тем, что оно выделяло на его нужды немалые финансовые средства и не могло отказаться от установления контроля над их расходованием. Еще большую тревогу у правительства вызывало участие в коопераціи представителей различных политических партий, видевших в ней удобный способ организации народных масс и надежный источник финансовых средств.

Характер взаимоотношений власти и коопераціи, описанный выше, четко прослеживается на примере Пензенской губернии. Попытаемся рассмотреть эти явления на основе анализа взаимодействия самого распространенного вида кооперативных организаций – учреждений мелкого кредита с местной чиновничей администрацией.

Тотальный контроль и мелочная регламентация возобладали над кредитными и ссудо-сберегательными товариществами в первые месяцы после издания «Положения о мелком кредите» от 7 июня 1904 г. Созданные Губернский комитет по делам мелкого кредита под председательством губернато-

ра и институт инспекции мелкого кредита под руководством управляющего пензенским отделением Государственного банка (далее – Госбанка) стали главными проводниками политики «поощрения и подозрения» в отношении кооперативных структур [6, л. 4]. Серия законов и инструкций, изданная в 1895–1904 гг., полностью поставила под контроль финансовую деятельность учреждений мелкого кредита. Каждый год правления кооперативов обязывались представлять в Губернский комитет по делам мелкого кредита финансовый отчет с обязательными сведениями о количестве членов товарищества, размерах их ссуд, вкладов и задолженностей, о сословном и имущественном положении членов правления, а также копии протоколов рядовых и экстренных общих собраний [5, л. 14 об.; 6, л. 67–68 об.].

Для дополнительного контроля в течение всего года действовали инспектора мелкого кредита. Штат инспекции постоянно расширялся по мере увеличения численности кооперативов. Но тем не менее работы всегда хватало, и сами служащие часто жаловались на загруженность, ходатайствуя перед вышестоящим начальством об увеличении личного состава своего учреждения. Впрочем, государство с каждым годом выделяло все большие средства на содержание банковской инспекции: за 1904–1909 гг. государственные расходы на инспекторов пензенского отделения Госбанка увеличились со 109,52 до 4380 руб. в год. Если в 1904 г. местный штат служащих инспекции включал двух инспекторов и одного канцелярского служащего [6, л. 138 об. –139], то к 1914 г. численность первых составила уже восемь человек [4, л. 89 об.]. В целом по России к сентябрю 1915 г. личный состав местных инспекций мелкого кредита насчитывал 1050 человек [11, с. 190], представляя собой огромный бюрократический аппарат по управлению кооперативной мелкокредитной системой. Однако объем работы со временем только возрастал и справляться с

ним становилось все труднее. В 1905 г. Управляющий делами мелкого кредита даже направил пензенскому губернатору рекомендательное письмо, в котором просил по возможности привлечь в эту сферу на добровольной основе других чиновников, и в частности работников податной инспекции, «для ускорения развития кредитного дела» [6, л. 14–15 об.].

Более 30% служебного времени инспектора мелкого кредита проводили в командировках, работая непосредственно с кооперативами [3, л. 4; 7, л. 65]. Фактически служащий инспекции в присутствии членов правления подвергал полной ревизии денежную наличность, процентные бумаги и имущество учреждений мелкого кредита, убеждался в правильности составления финансовой отчетности [5, л. 4–6 об.]. Результаты ревизии фиксировались в специальном протоколе определенной формы, который после окончания командировки вместе с путевым журналом сдавался инспектором в качестве отчета о проведенной работе в отделение Госбанка [2, л. 85–85 об.; 9].

Особенно контроль за деятельностью кредитных кооперативов усилился в годы первой российской революции. Власть не только опасалась за возможное финансовое банкротство большинства кооперативов, члены которых вполне могли заявить об отказе погашать ранее взятые ссуды, но и боялась, что кооперированная часть населения примкнет к революционному движению. Именно с 1905 г. большое распространение получает формулировка «политическая неблагонадежность», под которой из правлений кооперативов удаляли подозрительных лиц. В ноябре 1905 г. в Пензу пришло письмо из Управления по делам мелкого кредита, в котором его управляющий попросил губернатора С. А. Хвостова обсудить описанные выше проблемы в Губернском комитете по делам мелкого кредита и подготовить предложения по совершенствованию кооперативной политики. Однако, учитывая тот факт, что в Пензенской

губернии обошлось без крупных революционных потрясений, члены комитета постановили, что «никаких оснований к изменению образа действий правительственного надзора за кредитными учреждениями не представляется» [6, л. 21, 25]. Сами чиновники нередко признавали тот вред, который власть наносила кооперативному движению, стремясь отстранить от его руководства «подозрительных» лиц. Так, в августе 1906 г. один из инспекторов мелкого кредита сообщал в своем отчете, что «среди учреждений мелкого кредита района Пензенского отделения (Госбанка. – Р. С.) никаких замешательств... в связи с современной политической неурядицей не было, за исключением лишь одного случая». Председатель одного из кредитных товариществ П. И. Островидов был заподозрен в «политической неблагонадежности» и удален. При этом чиновник ядовито заметил, что этот случай не имел никаких опасных последствий кроме того, что «товарищество лишилось интеллигентного руководителя» [5, л. 56]. Несмотря на это, власть и в дальнейшем сохраняла контроль над кадровым составом кредитных кооперативов. В начале 1909 г. инспектора мелкого кредита получили право приостанавливать деятельность кредитных кооперативов, если «они найдут их неблагонадежным по своему составу и деятельности». С апреля 1909 г. все полицейские ведомства приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений. Проверка длилась целых два года, и в марте 1911 г. директору Департамента был представлен сводный отчет. Из 11 432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица, согласно полицейской сводке, имелись в 750 организациях (6,5%) и составили 1560 человек (в среднем по 2 человека на один кооператив) [11, с. 183, 191].

Процедура проверки на предмет политической и прочей благонадежности имела обязательный характер при создании лю-

бого кооперативного учреждения, и губернатор, прежде чем разрешить его открытие, наводил справки о членах будущего правления. Соответствующий запрос направлялся в Полицейское управление, которое обычно выносило резолюцию следующего типа: «...значающиеся в... списке лица поведения и нравственных качеств хороших и в политической неблагонадежности замечены не были» [8, л. 34, 38]. Но практика подобных проверок нередко выявляла среди учредителей кооперативных структур не только политически опасных лиц, но и самых обыкновенных пьяниц, мошенников и даже уголовников [8, л. 25, 43, 49]. В распоряжении полицейских властей была масса сведений об участии в кооперативном движении представителей различных политических партий, которое, естественно, считалось опасным. Так, в 1907 г. при ЦК РСДРП была создана профессиональная комиссия (позже переименованная в профессионально-кооперативную), открыто ставившая своей главной задачей приспособить кооперацию к антиправительственной борьбе [1, с. 48]. Большой интерес к ней проявляли и эсеры. Кроме того, в распоряжении полицейских ведомств было немало сведений об участии кооператоров в предвыборной кампании 1912 г., выражавшегося в «предоставлении льготных кредитов своим политическим единомышленникам» [11, с. 188], а взгляды многих идеологов кооперации имели «социалистический отблеск». Так, В. Ф. Тотомианц и М. Л. Хейсин формально были меньшевиками, А. В. Чаянов и С. Л. Маслов – эсерами, а С. Н. Прокопович и М. И. Туган-Барановский начинали свою деятельность в русле идей социал-демократов и легальных марксистов соответственно, только позднее примкнув к кадетской партии [12, с. 67]. Подобные факты еще больше убеждали власть в своей правоте. Архивные документы «пестрят» многочисленными примерами случаев личного вмешательства губернских администраций во внутренние кооперативные дела. К приме-

ру, пензенский губернатор издал распоряжение, по которому было не только запрещено принимать в кооперативы «поднадзорных», но и предписано изгнать из них всех, кто «скомпрометировал себя перед властью каким бы то ни было образом» [11, с. 193, 194]. Подобно ему, десятки других губернаторов, являясь председателями местных комитетов мелкого кредита, нередко выносили волевые решения в отношении тех учреждений, деятельность которых не соответствовала уставным нормам. Причем решения эти не всегда имели должное обоснование, что делало возможным случаи проявления административного давления или произвола в отношении кооперации. Характерна одна фраза, прозвучавшая в ответном письме председателя Совета министров С. Ю. Витте к нижегородским рабочим, потребительская лавка которых была закрыта губернаторским распоряжением без объяснения причин: «Если губернатор закрыл потребительскую лавку, то значит он имел к тому основание» [10, с. 112]. Наиболее распространенной была губернаторская резолюция следующего типа: «У меня имеются сведения о неодобрительном поведении нижепоименованных лиц, входящих в состав управления кредитных товариществ... Ввиду этого предлагаю Губернскому комитету по делам мелкого кредита сделать распоряжение об удалении означенных лиц от занимаемых должностей и о последующем мне сообщить» [8, л. 3–3 об., 4].

Подобные действия признавались сверхвременными и необходимыми даже самими кооператорами, просившими в особо критических случаях помочь именно у губернаторов. Растрата оборотного капитала, кража кооперативного имущества, составление «липовых» долговых расписок за неграмотных членов товариществ, прочие финансовые подлоги, недобросовестность или безразличие кооперативных чиновников низшего ранга были наиболее распространенными видами должностных

преступлений в кооперативной среде, пресечь которые, по мнению рядовых кооператоров, должна была именно власть [6, л. 7].

Деятельность чиновников сводилась не только к предупреждению и недопущению административных и уголовных правонарушений в кооперативной среде. Нередко управленцы различного уровня оказывали и организационно-правовую помощь кооперативному движению. Одной из наиболее важных забот у властей было решение проблемы нехватки квалифицированных кооперативных кадров. В феврале 1905 г. от «С.-Петербургского комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах» в пензенский Губернский комитет по делам мелкого кредита поступило предложение прислать в губернию инструкторов для приведения в порядок счетного дела в кооперативах [6, л. 7]. В июне 1906 г. Управление по делам мелкого кредита просило управляющего пензенским отделением Госбанка М. Н. Рудзевича организовать при инспекции мелкого кредита специализированные курсы для подготовки счетоводов с их последующим трудоустройством в учреждения мелкого кредита.

Однако, будучи довольно щедрой на советы и рекомендации, столичная власть оставалась «скончаной» на их финансовую поддержку. Часто те или иные трудности предлагалось решать местным чиновникам за счет своих собственных средств, кооперативных отчислений и земских пожертвований [5, л. 42–42 об.]. Нередко конструктивная государственная политика перерастала в административный произвол при попытке кооперативных деятелей создать свои союзы. Общественно-политическая опасность, которая «таилась» в этих учреждениях с отложенным аппаратом управления и организацией масс, заставляла правительство отказываться от любых экономических выгод.

Созданный царской властью административно-контрольный аппарат управления кооперативным движением в России

все-таки не стоит расценивать в качестве своеобразного административного барьера на пути развития кооперативной самобытности и самостоятельности. Документы сохранили немало свидетельств того, как те же инспектора мелкого кредита оказывали посильную помощь в распространении кооперативных учреждений в губернии, способствовали упорядочиванию ведения дел в них и укомплектованию необходимыми кадрами. Власть в лице местного начальства защищала экономические интересы подобных учреждений, стремясь предупредить возможные злоупотребления в кооперативной среде. Проверка ежегодных отчетов, выборочные ревизии и оказание чинов-

никами помощи кооперативным учреждениям по взысканию просроченных долгов только способствовали постановке «кооперативного дела» на прочную экономическую и юридическую основу, особенно на ранних этапах его развития. Данный факт признавали и сами кооператоры.

В целом же государственная политика на уровне низовой кооперативной сети оказывалась позитивной. Сильное раздражение у кооператоров вызывали только «разрешительный» порядок открытия учреждений, длившийся по времени от нескольких месяцев до одного года, чрезмерный контроль над рядовыми членами и регламентация финансовой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдин К. Е. Политическая борьба в российской кооперации в 1907–1914 годах // Вестник Ивановского госуд. ун-та. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. Вып. 2. С. 47–56.
2. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 338.
3. ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 522.
4. ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 792.
5. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1а.
6. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2а.
7. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 154.
8. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 167.
9. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 928.
10. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М.: Институт российской истории РАН, 1996. 252 с.
11. Коновалов И. Н. Сельскохозяйственная кооперация в России: Ч. 1: 1861–1917 гг. Энгельс: Региональный информационно-издательский центр ПКИ, 2004. 216 с.
12. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. 600 с.